



Автор:

Зилинских Ирина, ученица 9 класса

Руководитель:

Зилинских Анна Васильевна, учитель информатики

МКОУ "Высоцкая СОШ им. С.И. Ростюцкого"

город Высоцк, Выборгского района, Ленинградской области

СЛЕД ВОЙНЫ

Семейная хроника событий Великой Отечественной войны

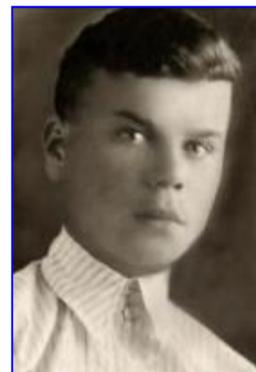
Может, не было войны, но война

Похоронена на дне тишины....

Юрий Антонов

Для меня всегда было странным видеть, как моя мама утирает слезу, когда слушает слова, произносимые диктором телевидения во время минуты молчания 9 мая. Казалось бы, она не имеет к войне никакого отношения, потому что родилась через 20 лет после войны. Но когда я стала знакомиться с историей нашей семьи, я поняла, что война оставляет свой след не только в истории человечества и в истории страны, но ее след остается в истории каждой семьи и самое главное – в памяти людей даже, наверное, на каком-то генетическом уровне.

Семья родителей моей мамы проживала в небольшом провинциальном городке Великие Луки на улице Школьная. Это была семья Булгаковых Василия Афиногеновича и Анны Петровны. Семья была большая: восемь детей, папа и мама.

**Василий Афиногенович
Булгаков****Анна Петровна
Булгакова****Татьяна Булгакова****Алексей Булгаков****Надежда Булгакова****Петр Булгаков****Иван Булгаков****Мария Булгакова**

Папа – глава семьи, единственный, кто работал на производстве и практически содержал всю эту большую семью. Жили обычной жизнью: отец работал, мама вела дом, старшие дети учились, младшие с детства приучались к труду.

Все изменилось, когда началась война... Она коснулась всех и каждого в отдельности. Сначала несколько слов о детях Булгаковых. Старшая дочь – Таня училась хорошо. После 7 класса поступила в педучилище. Там была редактором стенгазеты. За хорошие успехи в учебе после окончания ее наградили набором портретов великих русских писателей под стеклом в коленкоровой окантовке.

Во время эвакуации этот подарок Таня взяла с собой. Но так как поезд часто останавливался из-за бомбежек и им приходилось выскакивать из вагонов



с необходимыми вещами (каждый знал, что он должен взять с собой), то эти портреты стали обузой, и в одну из таких бомбежек, когда они прятались в сосновом мелколесье от разрыва бомб, эти портреты обратно в поезд Таня не взяла. Она их припрятала под молоденькой сосенкой, закрыв мхом, хвоей, травой. А они ей были очень дороги. Мама свою старшую дочь научила шить. Это потом спасало всех от голода и служило прибавкой к крохотной учительской зарплате, так как Татьяна стала единственной надеждой и опорой своих младших братьев и сестер, когда они оказались в эвакуации.

Второй ребенок в семье сын Алексей стал главным помощником родителей с самого детства. Учился он очень хорошо. Был в школе комсомольским вожаком. К началу войны он окончил 9 классов. В июне 1941 года ушел добровольцем в народное ополчение, а оттуда в партизанский отряд. На него получили повестку – пропал без вести, уже после войны выяснили, что он погиб в рукопашном бою и был похоронен в братской могиле. В 2011 году выяснилось, что его портрет висит в одном из залов краеведческого музея г. Великие Луки. Защищая одну из площадей города и отстреливаясь из пулемета, он погиб в бою, но ценой своей жизни спас многих других бойцов.

Вторая дочь – Надя к началу войны успела закончить хорошо 7 классов. Когда в результате эвакуации семья прибыла в Кировскую область, Таня сказала ей, что при сложившихся обстоятельствах она уже сама должна заботиться о себе. А она была совсем девчонка.

В 14 лет она стала студенткой медицинского училища в г. Кирове. Голодала так, что от голода стала пухнуть, и ей посоветовали перейти в школу радисток – бористов. На фотографии того времени выглядит как шар со щелочками глаз. В школе было казарменное положение: выдали форменное обмундирование, спали в казарме, питались в столовой. Это спасло ей жизнь.

Следующие сыновья – Петр и Иван. Когда семья приехала в Кировскую область, Таня отдала их в детский дом. А это постоянное чувство голода и



детской обиды, что их бросили. Петр попал в морское училище. Он окончил школу юнг на Соловках, после чего его, пацаненка, которому не исполнилось еще и 17 лет, призвали служить во флот, но на войну он уже не попал. Служил на Балтике. Иван стал ремесленником, и многие годы писал пронзительные стихи о военных годах. Он имел прекрасный голос, сочинял стихи, прекрасно разбирался в любой технике, любил дерево. Всю мебель для дома сделал своими руками.

Младших детей, Марию и Витюшку, Татьяна оставила с собой.

Последний из детей Василия и Анны – Зиночка. Маленький, безгрешный человечек. Ей было неполных 2 месяца, когда началась война. Родилась она в мае. Что-то было неблагополучно во время родов – мама чувствовала себя нехорошо. А тут война. Странное слово... Всего пять букв... А сколько за ними человеческого горя и поломанных судеб...

Папу призвали сразу же. Он строго-настрого наказал маме – уезжать. Дети – комсомольцы-активисты, он член партии. Видимо, слухи о том, как немцы относятся к таким, уже были, оставаться в городе было не безопасно.

Анна Петровна повесила на стене иконы, которые хранились в сундуке вместе с ее косами, и сказала, что они будут сторожить дом и дожидаться их возвращения из эвакуации. Дом в войну был разрушен, а семья в родной город так и не вернулась...

Одну корову отдали маминой сестре Фросе, другую обменяли у какого-то мужчины на лошадь с дровнями. Остальной скот зарезали. Часть мяса затушили, часть забрала тётя Фрося.

Погрузили скарб в дровни. Сверху положили маму – она уже не могла ходить, вся отекала, Зиночку и Витюшку (младших детей). Все остальные шли за телегой. Дело в том, что железнодорожный вокзал находился вдали от города. Туда вёл тракт ещё екатерининских времён. По обеим сторонам дороги берёзы



на равном расстоянии друг от друга. На бруствере вещи. Чего только там не было.

Сначала у них реквизировали лошадь, потом дровни. Нести всё, что взяли с собой, на руках, когда взрослая одна Таня, остальные подростки и дети да ещё больная мама с грудным ребёнком, было невозможно. Начали отбирать то, что было самым необходимым. На каждого одели несколько одежек, и хотя было лето, зной, жара, на младших детей одели и пальтишки.

Вот тут-то и пришлось оставить на обочине тюфяки, подушки, одеяла, посуду и, конечно, игрушки. С собой взяли самое необходимое и ценное. Швейную машину мама не разрешила оставлять. За её сохранность отвечал Пётр. Когда пришли на вокзал, увидели, что вся площадь запружена людьми и вещами.

Погрузили их в товарный вагон, и они отправились в путь. Был он долгий. В июле сняли с поезда, так как маме становилось все хуже и хуже. Было это под Бологое. Станция Медведки или Медведково находилась рядом с железнодорожным мостом через какую-то речку. Мост постоянно бомбили, и вся семья частенько спасалась под мостом от разрывов.

Таня еле-еле упростила, чтобы маму взяли в больницу. Там развернули госпиталь, лежали раненые, и гражданских не брали. Сами поселились в срубе. Четыре стены без крыши, только стропила, но настелены доски неровные, неструганные вместо пола. Устроились на куче мха. Таня каждый день отправлялась в Бологое – навещать маму и доставать еду для Зиночки. Она не плакала, а только скулила как щенок. Кормить ее приходилось чем попало, что удавалось достать. Вскоре она умерла. Таня достала машинку, желтый батист и сшила этой малышке платьице, чепчик и штанишки. Вместе с Петром, Иваном и Надеждой они выкопали могилу под одним из кустов, выстлали ее досками и ветвями елей, завернули Зиночку в кружевной полог от кровати и там похоронили. Так они потеряли свою сестричку. Это была первая потеря. Но



настоящее горе поджидало впереди. Рядом, в овраге, находилась зенитная часть. Солдаты подкармливали детей гречневой кашей.

26 июля 1941 года Таня в очередной раз направилась в Бологое и вернулась оттуда с трагическим известием о смерти мамы. На другой день Таня в госпиталь унесла простыню, чтобы завернуть маму. Она вся распухла, и никакая одежда на нее не налезла бы. Возвращаясь из госпиталя, Таня зашла на могилу Зиночки. И здесь ее ожидало новое потрясение. Кто-то, думая, что здесь зарыты вещи, разрыл захоронение. Трупик голенький валялся сверху. Такая кроха, а какие-то подлецы сделали это. На помощь Таня позвала только Петра, и они вдвоем снова предали это настрадавшееся тельце земле.

Семья еще какое-то время продолжала жить в срубе. Таня хлопотала об отъезде. Фашисты подходили все ближе и ближе, обстрелы и бомбежки участились.

В августе тронулись в путь дальше. Конечной целью пути стал город Киров. Оттуда их отправили в деревню Бобылево, где они сначала и жили, а потом переехали в Быково. В Бобылево жили в доме, где кроме них жила еще одна семья. Комната была огромная, из мебели в комнате только - одна кровать, стол, где Таня готовилась к урокам, машинка швейная. В углу круглая печка, в которой Таня умудрялась что-то приготовить. Небольшой стол, где стояло кое-что из посуды.

Таня уходила на работу – дети оставались домохозяйками. Старались помочь сестре – мыли пол. А он не крашенный, плохо отциклеванный, тряпка цепляется за неровности. Но они выходили из положения – опрокидывали ведро и веником из пихты растаскивали эту воду по всей комнате. Где густо, где пусто. Но Таня и за это их хвалила. Жили они очень голодно. Таня продавала свои вещи. Из ценного осталась машинка, папин костюм выходной и заготовки на сапоги. Перед войной папа собирался стачать сапоги, но не успел. Остальное было уже все продано. И вот в один прекрасный день (а он



действительно был прекрасный – солнечный, морозный – наверное, рождество) они проснулись утром (а спали все вместе), и кормить их было нечем. Таня одела их и сказала – идите по домам, просите милостыню, может, кто и подаст. Пошли. Зашли в соседний дом и от запаха чуть сознание не потеряли. В углу под образами стол накрыт скатертью, а на столе только что из печи шанежки румяные. Дети стояли, широко открытыми глазами смотрели на это богатство и не говорили ни слова. Хозяйка спрашивает: «Что вам?»- «Тетенька,- говорит Маша,- дайте, пожалуйста, утюга. Тане надо белье погладить». Дали ей утюг. Они поблагодарили и пошли к своему дому. Пришли домой – Маша протянула утюг Тане. Она в недоумении – что ты принесла. Маша заплакала и сказала: «Пусть я с голоду умру, но никогда ничего ни у кого просить не буду». Обнялись, поплакали все. Таня ушла, у кого-то заняла мисочку муки и сварила завариху (это самый настоящий клейстер из муки). Ее-то они с удовольствием и съели.

А потом пришлось есть и лепешки из лебеды и картофельных очисток. Брать в рот эти лепешки было страшно, так как они были жесткие, и потом во рту все болело. Ели и пестунью весной и радовались. Собирали на полях молодые побеги хвоща и вместе с водой варили на сковороде. Если туда удавалось вбить яичко, это был уже праздник.

А на весенних каникулах (как раз была масленица) случилась беда. Тане пришлось продать папин костюм, за который ей дали полмешка муки. Пока Татьяна ездила на совещание, а дети гуляли на улице, из дома украли муку, оставив только мешок, и еще какие-то вещи. Дело в том, что замка не было, и комнату никогда не закрывали. Мучные следы вели в соседский сарай. Но доказать ничего не удалось.

Таня часто брала брата и сестру с собой в школу. Маша с Витюшей сидели на последней парте. Вначале просто так, а потом как-то незаметно стали учениками своей сестры.



В школе Марии как ученице давали завтрак. Это была жидкая-прежидкая овсяная каша, но наливали ее в алюминиевую кружку граммов на 300, и девочка очень аккуратно несла ее домой. Там они с братом съедали её вместе.

Однажды Татьяна за невыученное стихотворение поставила Маше единицу и, ругая дома, сказала, что плохие оценки ранят отца. Получили письмо. Папа пишет – ранен, лежит в госпитале. Машу это так потрясло, что она это стихотворение про 2 электрические лампочки помнит наизусть до сих пор. Училась и тряслась от страха – не получить неуд или кол.

В январе 44 года получили похоронную на отца.

Итак, после кражи муки Марию с Витюшкой Таня тоже решила отправить в детский дом.

Надо сказать, что деревни Бобылево и Быково, в которых они жили, принадлежали Куменскому району, а в детдом их отправили в Вожгалы. Это даже не детдом, а интернат, куда были эвакуированы дети из Ленинграда. К осени их отправили в детдом в Сырченки. В ту зиму интернат в Вожгалах сгорел. Во время пожара погибло трое – воспитательница и двое детей. Детей на время поместили в школу, а в 1944 году или в 1945 всех, у кого были родители, вернули в Ленинград.

Сырченки. Это большая деревня, протянувшаяся вдоль дороги и берега реки. На краю деревни перед самой войной была выстроена школа – 2-этажное деревянное здание барачного типа. Напротив находились два здания, в которых и располагался детдом. Разделял их овраг, через который были перекинуты деревянные мостки. Главное здание, где располагались столовая, изолятор, жили мальчики и находились служебные помещения, было одноэтажным, второе здание – 2-этажное. 1 этаж кирпичный, 2 – деревянный. На 1 этаже находились квартиры учителей и воспитателей, на 2 жили девочки.

С Сырченками у Марии связаны самые неприятные воспоминания. Вначале о Витюшке. Он еще был мал и в школу не ходил. Его очень любила



врач Клара Моисеевна. Жила она одна. Сын был на фронте. Она опекала мальчика. На новый год сшила ему костюм зайчика. Это был единственный костюм на новогоднем празднике. У елки, украшенной самодельными гирляндами, поставила табурет, водрузила туда Витюшку, и он читал стихотворение: «Уснули котята, уснули ребята, и только Ванька по имени Встанька не спит никогда...»

Всех воспитанников стригли наголо, так как все были завшивлены. Не стригли только Витюшку. Его белокурые кудри, так же как и раньше вились из кольца в кольцо. Мыла его сама Клара Моисеевна и следила за тем, чтобы у него не завелись вши. Она даже хотела забрать Витюшку на воспитание.

Дети голодали, кормили их немудреной едой - овсяной болтушкой, тоненький кусочек черного хлеба с «пяточком» и стакан мутноватого кипятка. «Пяточком» назывался джем. Когда не давали джем, выдавали по два кубика сахара.

9 мая встретили на линейке. Радость Победы вылилась во всеобщие рыдания. Это была большая точка, поставленная в жизни детей. Ждать им было некого, отцы погибли, матери умерли. Победа сулила радость встреч кому-то, но не им. И в этот миг каждый осознал свое сиротство. Они сели за столы, к скудному обеду добавили по кусочку масла и 2 кусочка сахара.

Но после Победы ничего не изменилось, голод так и оставался постоянным спутником.

Работать детям приходилось много. Работать ходили и на поля колхоза, и на свои поля. За любую провинность могли наказать едой. Летом и осенью не было дня, чтобы дети были свободны от работы: пололи, окучивали картошку. Сгребали сено, ворошили, сушили, копнили – это была самая лёгкая работа. Наказаньем было рвать лён. Костра впивалась в ладони, занозы нарывали. Норма – 150 снопов.



Осенью – копка картошки, часто из-под снега. Сбор колосков. Отдых наступал зимой. Там только домашние дела: дежурство по комнате, в столовой да помощь прачке и кастелянше. Это за работу не считали.

С 1949 года на лето Марию стали отпускать к сестре в гости. Она шла пешком и не один день. От деревни к деревне. Спрашивала дорогу, на ночь просилась на ночлег. Ночевать пускали бедные и многодетные. Ложилась на полу с краю от хозяйских детей и засыпала. Утром опять в дорогу.

Теперь вновь о Витюшке. В д/д Сырчёнках оставили только школьников. Всех дошкольников отправили в Кырмыж. Клара Моисеевна к тому времени уже уехала в Ленинград. Опекать брата было некому. В Кырмыже он пошёл в школу. Осенью гулял возле церкви, которую разбирали пленные немцы, его дружок нашёл какой-то розовый кругленький камешек. Как это часто бывает у детей, камень оказался во рту. И о чудо! Он оказался сладким на вкус. При всём этом он не уменьшался в размерах. Добрый друг дал пососать его всем. Что это было? Никто не знает. Но отравились все. Было их 13 человек. 11 – спасли, 2 не смогли. Похоронили брата на Вожгальском кладбище.

Вот такой след война оставила в памяти нашей семьи, для кого-то она покажется не самой трагической, ведь в живых остались 5 человек. Но этот след останется в нашей памяти навсегда, сколько бы лет ни прошло. И этот праздник, действительно, праздник со слезами на глазах.

